

В. Л. Я П И Н

ИЗ ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОГО ДЕНЕЖНОГО ДВОРА XVII в.

История Новгородского денежного двора XVII в. в наиболее важных ее деталях только по недоразумению остается неизвестной современным исследователям: разъясняющие эти детали документы были опубликованы свыше 60 лет назад.

Изданная в 1970 г. итоговая статья А. С. Мельниковой формулирует сумму вопросов, касающихся чеканки в Новгороде при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче, в том числе и состояния источников темы.¹ В общих чертах взгляд на деятельность Новгородского двора сводится к следующему.

После активной деятельности в период шведской оккупации (1611—1617 гг.) Новгородский денежный двор продолжал работу при Михаиле Федоровиче сравнительно недолго. На это указывает относительно небольшое количество копеек с именем Михаила Федоровича новгородской чеканки вкладах и нумизматических собраниях, что уже в 1960 г. позволило А. С. Мельниковой написать: Новгородский денежный двор при Михаиле «был на пути к упразднению».² Спустя 10 лет та же исследовательница пришла к выводу, что этот двор был ликвидирован к концу 20-х годов. Основанием для такого предположения послужила грамота псковских таможенных голов 1632 г., в которой говорится о переделке иноземцами привозного серебра в деньги, «как был во Пскове денежный двор». В 1632 г. иноземцам в таможене взамен их серебра стали выдавать деньги «из московской присылки».³ Таким образом, предполагается, что оба провинциальных двора были ликвидированы одним царским указом незадолго перед 1632 г.⁴

Еще раз Новгородский денежный двор возобновлял свою деятельность в ходе реформы Алексея Михайловича. Он начал работу по сентябрьскому указу 1655 г. и был ликвидирован в июне 1663 г. одновременно с другими «медного денежного дела дворами».⁵ О работе его в этот период можно судить по указам 1655,

¹ Мельникова А. С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. — Нумизматика и эпиграфика, 1970, т. VIII.

² Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича. — Археограф. ежегодник за 1958 г., 1960, с. 83.

³ Чистякова Е. В. Социально-экономические взгляды Ордин-Нащокина (XVII в.). — Труды ВГУ, 1950, вып. XX, с. 14.

⁴ В другой работе А. С. Мельникова пишет о чеканке в Новгороде до 1626 г. См.: Мельникова А. С. Систематизация монет Алексея Михайловича (1645—1676). — Вспомогат. истор. дисциплины, III. Л., 1970, с. 203.

⁵ «На Москве и в Великом Новгороде и во Пскове денежного медного дела дворы отставить, и маточники, и чеканы в тех городах собрав

1656 и 1663 гг. и по самой продукции — монетам со знаками НО и НО/ГДР. Среди них широко известны медные копейки, но изредка встречаются и серебряные. Отмечая, что это единственные известные нам серебряные копейки времени реформы, А. С. Мельникова подчеркивает их исключительную малочисленность: в собрании ГИМ, например, есть всего 4 экз. таких монет. Однако наиболее значительным документом, характеризующим деятельность Новгородского денежного двора, признается открытая А. С. Мельниковой отписка московского служилого человека Никиты Зузина, направленного в 1659 г. в Новгород, о состоянии тамошнего денежного двора в 1660 г. Из этой отписки, в частности, следует, что с 15 сентября по 1 декабря 1660 г. в Новгороде после упорядочения работы двора было отчеканено медных монет на сумму 400 тыс. руб.⁶

Странным образом вне поля зрения специалистов остались опубликованные в 1911 г. А. М. Гневушевым приходо-расходные книги Новгородской четверти XVII в., которые содержат достаточно важную информацию и по деятельности денежного двора в Новгороде времени Михаила Федоровича, и по его работе в ходе реформы Алексея Михайловича.⁷ Думается, что отчасти «повинна» в этом книга К. В. Базилевича, создавшая иллюзию полной обработки всех изданных к 1936 г. материалов темы.⁸

Прежде всего эти приходо-расходные книги предельно разъясняют вопрос о времени закрытия денежного двора в Новгороде при Михаиле Федоровиче. В интересующей нас связи важны три записи в этих книгах.

Под 1620 г. сообщается: «С новгородского з денежного двора золотничную и плавильную пошлину збирают на государя на веру выборные головы и целовальники. А на нынешней на 128-й год денежного двора пошлин против збору 127-го году помечено собрати 700 рублей 30 алтын оприч того, что денежного двора на расходы во 127-м году вышло 23 рубли 8 алтын 5 денег, а в сметном списке 127-го году те денги были в збор не приложены. И обоего денежного двора пошлин против 127-го году собрати 724 рубли 5 алтын 3 денги. И по новгородскому сметному списку 128-го году те денги во 128-й год собраны сполна да сверх окладу

все, прислать к Москве в приказ Большия казны» (Деммени М. Сборник указов по монетному и медальному делу в России, вып. 1. СПб., 1887, с. 3). Указ датируется 11 июня 1663 г. Тем же указом повелено с 15 июня делать на Старом Московском денежном дворе серебряные деньги.

⁶ Мельникова А. С. 1) Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в.; 2) Из истории денежного дела в России. (Документ XVII века). — Сов. архивы, 1967, № 3, с. 93—99.

⁷ Гневушев А. М. Сметы по Новгороду четвертным денежным доходам XVII в. (с 1620 по 1660 г.). — Труды Моск. предварительного комитета по устройству XV Археол. съезда, 1911.

⁸ Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936.

прибрано 42 рубли 8 алтын 5 денег. И обоего по окладу и сверх окладу собрано 766 рублей 14 алтын 2 денги».⁹

Вторая запись содержится под 1626 г.: «В Великом Новгороде на государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси денежном дворе денежную прибыль збирают на государя на веру головы с целовальники. А на нынешней на 134-й год против прошлого 133-го денежные прибыли помечено собрати 833 рубли 15 алтын с полуденгою. А по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу тое денежную прибыль в Новгороде во 134-м году велено сбирати голове псковитину Ивану Савину, а с ним целовальником новгородцом посадским выборным людем. И по новгородцкому сметному списку 134-го году голова Иван Савин с товарищи денежного двора прибыли во 134-м году собрали и в Новгороде взято и с тем, что на денежном дворе вышло в расход, 600 рублей 6 алтын и 1½ денги. А недобрали головы и целовальники во 134-м году против збору 133-го году 233 рублей 18 алтын 5 денег. И про тот недобор в Новгороде головы и целовальники в роспросе сказали, что во 134-м году перед 133-м годом на денежной двор торговые и всякие люди старых денег и ефимков и ветоши серебра в дело приносили мало, да и неметцких городов неметцкие торговые люди ефимков привозили мало ж, потому что в неметцких городах войны».¹⁰

Наконец, последняя запись датирована 1628 г.: «Новгородского денежного двора денежные прибыли и верново бранья по окладу против 135-го году 1371 рубль 27 алтын 2 денги. И по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью дьяка Баима Болтина 135-го году в Великом Новгороде денег делать не велено».¹¹

Мы видим, что указ о закрытии Новгородского денежного двора относится к 1627 г., однако фактическая его ликвидация произошла в следующем, 1628 г., когда была взята в последний раз прибыль от его работы. Сравнительно большая сумма этой прибыли за 1628 г., по-видимому, включает подчистку всех остатков производственной деятельности. Запись 1626 г. обнаруживает причину ликвидации двора — его вынужденную малую рентабельность.

О возобновлении деятельности Новгородского денежного двора уже при Алексее Михайловиче известно из сентябрьского указа 1655 г., цитированного в письме князя Григория Куракина царю: «... в нынешнем, государь, во 164-м году, сентября в 15 день в твоей государевой царевой и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя России самодержца грамоте писано к нам, холопом твоим, велено послать твои государевы грамоты

⁹ Гневущев А. М. Сметы..., с. 195.

¹⁰ Там же, с. 198.

¹¹ Там же, с. 200.

в Великий Новгород и во Псков, чтоб в Великом Новгороде и во Пскове медные денги грошовики и двуденежники и денежники делать наспех, днем и ночью с великим раденьем. А денежных мастеров в Великом Новгороде и во Пскове велети б прибрать многих людей, чтоб деньги вскоре наделать».¹²

Сентябрьский указ имеет в виду уже возобновленный денежный двор. Известно, что, например, в Пскове работы по подготовке чеканки медной монеты начались весной 1655 г., на это указывает запись в расходных книгах Псковского денежного двора: «По государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Белья России самодержца грамоте за приписью дьяка Аникея Чистого, какова прислана во Псков во прошлом во 163-м году марта в 25 день, велено во Пскове делать медные денги алтынники и грошевики и двухденежники и денежники, а мастером от дела велено дават против государева указу по три рубли с полтиною от пуда. И октября в 2 день денежного дела работникам на корм пятьдесят рублей дано».¹³

И. Г. Спасский, использовавший эту рукопись, проследил начальный цикл работ по устройству самого двора и показал, что до октября трудились каменщики и плотники, сооружались горны и кузница. Чеканка же монеты в Пскове началась только в октябре.¹⁴ Надо полагать, что примерно теми же темпами устройство двора велось и в Новгороде, а сентябрьский указ ориентируется на практическую готовность дворов к производству монеты.

Приходо-расходные книги по Новгороду никак не отражают этой начальной стадии работ. Однако к подготовке чеканки имеет прямое отношение запись под 1654 г.: «В Сяское устья торговых людей перед прошлыми годы ездило мало, что де из Стекольна неметцких денег медных плотовых торговым руским людям на Русь возить нельзе, что на те медные плотовые денги наложена пошлина большая, а опрочи де тех их медных плотовых денег возить на Русь товаров иных нечево, потому что де в Стекольне всякие неметцкие товары дороже руского. А в прошлых де годах русских людей ездило больши для того, что с тех неметцких плотовых денег пошлин не имали, а пропускали те медные плотовые денги беспоплинно».¹⁵ Трудности с подвозом в Новгород «плотовой меди» (т. е. монет-плит шведской чеканки¹⁶) были, несомненно, осложняющим обстоятельством, задерживавшим организацию исходного сырьевого запаса медной чеканки.

¹² Мельникова А. С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в., с. 110.

¹³ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. — Археограф. ежегодник за 1959 г., 1960, с. 139.

¹⁴ Там же, с. 139.

¹⁵ Гневущев А. М. Сметы..., с. 226.

¹⁶ Плиты (иначе, платы) чеканились с 1644 по 1776 г. достоинством от 1/2 до 10 далеров; последние имели вес 19,7 кг. Наибольшего размаха их чеканка достигает с 1649 г.

Впрочем, одна из записей 1656 г., отражающая расходы предыдущего года, может иметь отношение к начальным работам и на самом дворе: «По грамоте великого государя (п. т.) за приписью дьяка Офонася Ташлыкова взято у Офонася Микляева московские присылки, которые посланы на государеву медь и мастером на дело, 600 рублей».¹⁷

Записи прихода-расходных книг за 1656 г. содержат наиболее важные документы, разъясняющие, в частности, исключительную редкость в нумизматических собраниях медных алтынников и грошовиков Алексея Михайловича. В сентябрьском указе алтынники не названы, однако А. С. Мельникова констатирует их изготовление на Новгородском дворе, поскольку они упомянуты среди его продукции в 1656 г.,¹⁸ а в музеях сохранились алтынники, чеканенные в Пскове.¹⁹

Приведем запись 1656 г. полностью: «В нынешнем во 164-м году февраля в 28 день великого государя (п. т.) грамоте нс приказу Большие казны писано в Великий Новгород к воеводе ко князю Ивану Андреевичю Голицыну да к дьяку к Василию Шпилькину: указал великий государь (п. т.) в Великом Новгороде делать медные копейки да денги, а медных же алтынников и грошевикув делать не велено, а что ныне в Великом Новгороде до сего государева указу зделано медных алтынников и грошевикув и копеек и денег, и те денги велено прислать к великому государю к Москве в приказ Большие казны.

Да в нынешнем же во 164-м году июля в 9 день великого государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России грамоте нс приказу Большие казны за приписью дьяка Офонася Ташлыкова писано в Великий Новгород к воеводе ко князю Ивану Ондреевичю Голицыну да к дьяку к Василию Шпилькину: указал великий государь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белья России в Великом Новгороде медными денгами торговать и в расход, что у ково взято, платить медными ж денгами и впредь в Великом Новгороде медные копейки и денги делать наспех днем и ночью, а алтынников и грошевикув делать не велено.

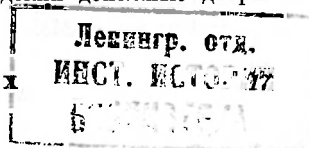
И по той великого государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России грамоте и по приказу воеводы князя Ивана Ондреевича Голицына да дьяка Василия Шпилькина в Великом Новгороде з денежного двора мелких медных денег в государеву казну взято 16 053 рубли 30 алтын».²⁰

¹⁷ Гневущев А. М. Сметы..., с. 235.

¹⁸ ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, стлб. 864, л. 173.

¹⁹ Мельникова А. С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в., с. 110.

²⁰ Гневущев А. М. Сметы..., с. 236.

Очевидно, алтышники и грошовики изготавливались очень недолго, всего лишь около пяти месяцев, если двор начал работу в сентябре—октябре 1655 г.

Краткая запись 1657 г. отражает рост продукции двора: «З денежного двора у головы у Григорья Иванова медных денег служилым людям великого государя на жалованье и на месячные кормы взято 56 804 рубли 10 алтын 3 денгою».²¹

Весьма значительна запись 1658 г., которая не только демонстрирует установление некоторой стабильности в производстве медных монет, но и подтверждает выпуск серебра на Новгородском денежном дворе по крайней мере в 1657 г.: «З денежного двора, что велено послать по государевым грамотам из розных приказов на Олонец к окольным членам и воеводе к Василию Александровичю Чоглокову с товарищи и на Лавую к стольнику и воеводе к Федору Лодыженскому государевым служилым людям на жалованье медных денег взято 18 615 рублей.

З денежного двора, что довелось дати государевым служилым людям, которые в Великом Новгороде и по острошкам, государева жалованья и на иные четвертные расходы медных денег взято 23 227 рублей 12 алтын 4 денги.

З денежного ж двора у головы у Григорья Иванова прошлого 165-го году взято денег серебряного дела 2114 рублей 20 алтын».²²

Общее количество выданных в 1658 г. с денежного двора денег равно 41 842 рублям 12 алтынам 4 денгам против 56 804 рублей 10 алтын 1 денги в предыдущем году.

Запись за 1659 г. отсутствует, а запись 1660 г. отражает резкое увеличение продукции двора: «З денежного двора по государеве грамоте, что велено послать в полк к боярину и воеводе ко князю Ивану Одреевичю Хованскому служилым людям на жалованье медных денег взято 120 тысяч рублей.

З денежного ж двора, что довелось дати государевым всяким служилым людям в Великом Новгороде и на иные четвертные расходы, медных денег взято 19 884 рубли 15 алтын.

По государеве цареве (п. т.) грамоте у целовальника у Ивашка Порфильева да у новгородца у посадского человека у Офоньки кузнеца серебряных денег, что прислано с Москвы ис приказа Большие казны на медную покупку 32 000 рублей».²³

Поскольку взятие прибыли в сметных записях производится за предыдущий год, а новый год начинался с 1 сентября, резкое увеличение продукции двора, отмеченное А. С. Мельниковой, когда в сентябре—ноябре 1660 г. было отчеканено медной монеты на 400 тыс. руб., относится к следующему за показанным в при-

²¹ Там же, с. 238.

²² Там же, с. 241.

²³ Там же, с. 243.

ходо-расходных книгах периода, однако начавшаяся реорганизация двора дала заметный результат еще до 5 сентября 1660 г. Заметим, что, по-видимому, чеканка в Новгороде серебряных монет в небольшом количестве состоялась только в 1657 г.; в более позднее время серебро «на медную покупку» снова присылается из Москвы.

Нуждается в уточнении вопрос о местонахождении Новгородского денежного двора при Михаиле Федоровиче и при Алексее Михайловиче. Отметив, что в одном из документов 1661 г. этот двор назван «Новым», А. С. Мельникова допускает два возможных истолкования этого сообщения: «Возможно, это название появилось в связи с тем, что денежный двор в Новгороде во время реформы был размещен в новом помещении, а не в старом денежном дворе. Но „Новым“ Новгородский денежный двор мог быть назван и в связи с возобновлением его деятельности после 30-летнего перерыва».²⁴

Документы 80-х годов XVI в. говорят о существовании в Новгороде двух денежных дворов. Один «двор царев и великого князя денежной» находился на Ярославовом дворище, между церквями Николы и Святых Отцов.²⁵ Другой — только что заведенный к моменту составления писцовой книги Леонтия Аксакова по Торговой стороне (1581—1582 гг.) — описан на Рогатице: «Двор пуст Гавриловской Федосеева стрелника; длина 25 сажень, поперек 5 сажень. И тот двор взят под государскую Денежную двор».²⁶ Этот участок числился «на Рогатице улице гостиные же сохи дворы от Пробойные же улице к валу». Между тем в другой писцовой книге, составленной вскоре после 1586 г., денежный двор описан на левой стороне Рогатицы, если идти от Волхова, но на участке между Волховом и Пробойной улицей как угловая усадьба, выходящая и на Пробойную: «Двор нетяглой денежной гостиные сохи Гавриловской Язычкова, а дворник в том дворе Дорох, нетяглой; длина двадцать пять сажень, поперек пятнадцать сажень».²⁷ И. Г. Спасский полагает, что речь идет об одном и том же участке, но в одном случае размер поперечника указан неверно,²⁸ с чем не согласился А. И. Семенов, показавший, что речь идет о разных участках. А. И. Семенов предположил: «Дворы Язычкова и Федосеева могли быть дополнительно приданы к Денежному двору, находившемуся на Ярославовом дво-

²⁴ Мельникова А. С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в., с. 113.

²⁵ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, с. 235, 239.

²⁶ Там же, с. 219.

²⁷ Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI века. СПб., 1912, с. 30.

²⁸ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. — МИА СССР, 1955, № 44, с. 261—262.

рище. На них не было чеканки монеты, они предназначались для хозяйственных надобностей Денежного двора».²⁹

Если бы А. И. Семенов был прав, допуская одновременную принадлежность к денежному двору обоих участков на Рогатице, мы нашли бы подтверждение этому в подворной описи Рогатицы, содержащейся в писцовой книге конца 80-х годов XVI в. Между тем она знает только один участок денежного двора (бывшая усадьба Язычкова). Поэтому более вероятным представляется предположение о том, что в начале 80-х годов XVI в. под денежный двор был отведен бывший двор Гаврилы Федосеева, а спустя несколько лет — вместо него — бывший двор Гаврилы Язычкова, превосходящий федосеевскую усадьбу втрое. Поскольку этот двор в писцовой книге показан на удалении 102 сажень от начала Рогатицы (т. е. от берега Волхова) и 75 сажень от Хутынского подворья (оно соответствует началу современной улицы Большеви́ков), окончательный участок денежного двора на Рогатице локализуется в квартале между проспектом В. И. Ленина, улицей Большеви́ков и проездом, продолжающим улицу Герцена на территории завода им. Ленинского комсомола, примерно под домом № 9 по ул. Большеви́ков и его двором.

Новгородский хронограф под 1662 г. сообщает: «О пожаре в лето 7170 июня в 19 день. В Великом Новеграде в пяток на первыя недели поста бысть пожар велик, загорясь на Рогатице (так!) улицы на денежном дворе и погоре Рогатица и корчемный двор и в гору».³⁰ Издавший этот текст М. Н. Тихомиров отметил, что цифры года в подлиннике исправлены и неясны. Расчет по таблицам показывает, что пятница первой недели петровского поста приходилась на 19 июня не в 1662 г., а в 1663 г. Пожар денежного двора, следовательно, случился через неделю после царского указа о прекращении медной чеканки и закрытии двора. Можно подозревать, что имел место поджог, совершенно необходимый администрации двора для простейшего покрытия многочисленных хищений, о которых писал в своей отписке Никита Зузин. В то же время мы видим, что этот двор, находясь на Рогатице, начал свою работу в 1655 г. там же, где с 1580-х годов до 1628 г. помещался более ранний центр чеканки монет в Новгороде.

Приведенная цитата из хронографа отменяет еще одну существующую в литературе попытку локализации денежного двора на Рогатице. Новгородский губернатор 1812—1813 гг. П. И. Сумароков считал остатком денежного двора сохраняющуюся и сейчас на южной стороне улицы Большеви́ков руину древнего здания, из-

²⁹ Семенов А. И. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода. — Новгородск. истор. сборник, 1961, вып. 10, с. 154.

³⁰ Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в. — Новгородск. истор. сборник, 1940, вып. 7, с. 102.

вестного под бытовым названием «дома Марфы Посадницы».³¹ Обнаруженный недавно чертеж этой части города, составленный в начале 30-х годов XVIII в., обозначает указанное здание как «кружечный двор», что позволяет идентифицировать с ним не денежный, а корчемный двор из сообщения 1663 г.

В заключение считаем полезным воспроизвести трактовку денежной реформы Алексея Михайловича по Новгородскому хронографу, поскольку она принадлежит очевидному современнику реформы (хронограф написан между 1676 и 1682 гг.), но не использовалась в специальных исследованиях:

«В лето 7161 повелением благочестиваго и христолюбиваго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси самодержца начаша делати денги медные, яковы же и серебряные, величиною и весом таковы ж, для служивых великого государя воинских людей, что в тое время нача быти польская служба, чтоб в Руской земле от того серебряных ради денег великого государя гостем и гостиных сотен и суконных сотен и всяким торговым людям и крестьяном в налогах потеснения о том не было б, что серебряных денег в то время бысть умаление. И в Руской земли о торгвах всяких на медные денги також якож и на серебряные всякие товары начаша покупати па медные денги: серебро и злато, и камене честное и драгое, и бисер многоценный, сии речь жемчуг, и златотканые портища и шелковые, и всякие заморские и иных государств драгие узорочья, и шелки, и кумачи, и китайки, и индейки, и кнзылбашские драгие товары, и питья всякие, и воск, и соль, и масло, и мед, и смольчуг, и поташ. И последи того умножишася тае медные денги, и начаша потое ж делать воровские люди по многим городам и по деревням, многие воры и мастера учинилися воровские. И которого в таком воровском деле поймают, и тех по повелению государя казни предают: инем горла оловом заливаху, а инех казняху, а овем руки по запястие отсекаху, а многих всылки посылаху по дальним градом, а инех всячески мучаху, пытаху пытками различными, кнутъем биюще, и огнем жгуще, и пуп на пытках влекуще, и ребра выламывающе. И многие на тех меж себя оказывахуся, а инии многие и от богатства своего на таковое беззаконное и клятвенное и заповеданное дело покушахуся, и от того себе смерть припмаху. И бысть сие таковы заповеданное дело и тое медныя денги ходиша на Руси десять лет, и посем престаша и

³¹ Сумароков П. И. Новгородская история. М., 1890, с. 22. — В начале XIX в., следовательно, П. И. Сумароков знал о существовании денежного двора на Рогатице. Поскольку все свидетельства существования Рогатицкого двора извлекаются из источников, изданных в XX в. и сохранившихся не в новгородских архивах, остается предположить, что П. И. Сумароков пользовался выписками Е. Болховитинова из писцовых книг Александра Чоглокова и Добрыни Семенова 1623 г., погибших при пожаре Присутственных мест в Новгороде в 1809 г., и что в этих книгах денежный двор значился на Рогатице.

заказы учиниша, что теми медными денгами не торговати, и у многих многие тысячи в остатках учинишася. И те делаша в домовые потребы, всякие котлы и иные сосуды».³² Под 1663 г. в хронографе имеется еще одна заметка: «В тое ж время великаго бога изволение положи господь в сердце благочестивому и христоробивому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу благое, чтоб прекратить и престать медные денги делать и о сем великие и крепкие заказы учиниша во всей Роские земли всяких чинов людям, что ими не торговати, что много учинилось воровских людей и много душегубства».³³

И. Г. СПАСКИЙ

КОГДА И ДЛЯ ЧЕГО ВПЕРВЫЕ ЧЕКАНИЛИСЬ В ПЕТЕРБУРГЕ ГОЛЛАНДСКИЕ ДУКАТЫ?

Производившаяся в Петербурге по 1869 г. тайная чеканка голландских дукатов, не уступавших ни в пробе, ни в весе подлинным, — молодая тема русской нумизматики. До рубежа XIX—XX вв. никто не поинтересовался, почему после 1817 г., когда возобновился прерванный войной выпуск русской золотой монеты (полуимпериалов — пятирублевиков), в обращении рядом с нею присутствовали, постоянно нарастая в количестве, голландские дукаты, а казна из года в год широко использовала их в зарубежных платежах, особенно на Ближнем Востоке. Ими же выплачивалось жалованье войскам в дальних гарнизонах — на Кавказе, в Средней Азии и в Царстве Польском. Когда в 1849 г. в Утрехте чеканка дукатов временно приостановилась, в Петербурге перестали сменять даты на штемпелях и к 1860—1870-м годам дукатов с датой «1849» в обращении было больше всего (табл. I, 1—21).

Небольшие монеты с надписью «Concordia res parvae crescunt» и с изображением воина, испытующего прочность пучка стрел, сохраняли старинные названия для давно известного России дуката — *золотой*, а чаще *червонец* или *червонный*. В русской художественной литературе и документах XIX в. они относятся исключительно к этим монетам: ведь после павловского червонного — дуката 1799 г. — никакого другого *червонного* русский экономический быт не знал. (Единственный русский золотой номинал — пятирублевик — назывался полуимпериалом). После 1869 г. название «червонный» ненадолго оставалось за сменившим дукат золотым трехрублевику (по 1885 г.).

³² Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в., с. 87.

³³ Там же, с. 103.